

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. А. Казанцев

«Суверенная демократия»
в современной России: структура
концепта и идеологемы

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kazanzev_suv.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

А. А. Казанцев

«Суверенная демократия» в современной России: структура концепта и идеологемы

Концепция «суверенной демократии» была впервые выдвинута заместителем руководителя администрации Президента РФ В. Сурковым в его выступлении перед активом «Единой России» (февраль 2006 г.).¹ Согласно разделу официального Интернет-сайта «Единой России», посвященному «суверенной демократии», свой вклад в формирование данной концепции внесли такие известные интеллектуалы, как Вячеслав Никонов, Глеб Павловский, Валерий Фадеев, Виталий Третьяков, Андраник Мигранян, Алексей Чадаев, Максим Соколов, Леонид Поляков, Виталий Иванов, Леонид Радзиховский.² Главным публичным манифестом новой доктрины стала статья В. Суркова «Национализация будущего» (ноябрь 2006 г.)³.

В настоящее время теория «суверенной демократии» претендует на то, чтобы стать объединяющей национальной идеей. Какова внутренняя структура этого политического концепта, и до какой степени он связан с политическими процессами, идущими в современной России? Эти вопросы относятся к традиционным методам анализа идеологий. Именно их мы и применим в данной работе.

Концепт «суверенной демократии»: трансформации внутренней структуры в различных культурных средах

Концепт «суверенной демократии» (sovereign democracy) активно использовался в политическом дискурсе времен «холодной войны». Он означал независимое (прежде всего, от СССР и коммунистического

---

¹ Сурков В. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности // <http://edinros.ru/news.html?id=111148>

² <http://www.edinros.ru/news.html?id=114545>

³ Сурков В. Национализация будущего // Эксперт № 43 (537). 20 ноября 2006.

лагеря) демократическое государство, а также политический режим соответствующего типа. Очевидным образом, в этом словосочетании проявлялось идеологическое противопоставление «свободного» и «коммунистического» миров. По окончании «холодной войны» словосочетание почти перестало применяться. Концепт стал обозначать, прежде всего, демократизированные и получившие независимость от коммунистического мира (советской империи) государства. Хотя примеры его использования единичны. В этом плане данное словосочетание, например, использовал вице-президент США Р. Чейни в известной речи в Вильнюсе.

Особенно активно понятие «суверенная демократия» использовалось и используется на Тайване. Там оно означает: а) суверенитет Тайваня по отношению к коммунистическому материковому Китаю; б) основание этого суверенитета и противопоставления остальному Китаю (демократический характер правления или, скорее, принадлежность к «свободному миру»). Этот способ словоупотребления ближе к российскому аналогу, чем к западно- и восточноевропейскому.

В современных российских условиях концепт «суверенная демократия» очень серьезно трансформировался. В нем сохраняется аспект скрытого противопоставления (в данном случае, очевидно, Западу). При этом основанием противопоставления становится попытка перехватить у западных критиков современного российского режима идею демократии с распространенным в странах «Третьего мира» дополнительным атрибутом «суверенная» (имеющим также оттенки значения «национальная», «местная», «традиционная»). Структурно это напоминает существовавший в советское время способ дискуссии с «капиталистической демократией» под лозунгами «социалистической», «народной», «общенародной» демократии.

Существенным представляется и сближающий российский случай с тайваньским «третьемирный» аспект применения термина «суверенная демократия», что также противопоставляет его западной традиции. Выдвижение различных атрибутов «локальной» демократии, противопоставляющих ее западно-либеральной, во второй половине XX в. часто выступало в качестве способа идеологического противопоставления стран «Третьего мира» Западу («народные демократии» в развивающихся странах социалистической ориентации, «управляемая демократия» в Индонезии, «исламская демократия» в Иране и т.д.).

Распространенность подобного понимания демократии в незападных и недостаточно модернизированных политических культурах связано с тем, что оно отсылает к чрезвычайно архаичным моделям

«общинности», характерных для всех стран Востока и для самой Европы в тех местах и в те времена, где и когда проект модерна не был достаточно реализован⁴.

Другой важной функцией «суверенной демократии», в не меньшей степени отсылающей к автократической, но экономически чрезвычайно эффективной власти Гоминьдана на Тайване, становится в российских условиях содержащаяся в этой концепции модель нелиберальной (авторитарной, с опорой на традиционные институты) модернизации.

Этот дополнительный смысл активизируется за счет скрытых аспектов атрибута «суверенная» в российской и европейской политико-юридических культурах. Последний исходно отсылает к «суверену», монарху. В этом плане концепт приобретает смысл «монаршьей демократии» (или «народной монархии», известной концепции И. Солоневича⁵). Очевидно, этот смысловой аспект отсылает к отождествлению президентской власти в суперпрезидентской республике с властью абсолютного монарха, преемственной по отношению к Генеральным секретарям КПСС и русским императорам-царям.

Специфический характер этой «демократическо»-монархической традиции в России отмечался, в частности, в работе В.О. Ключевского «Курс русской истории». Анализируя сущность института Соборов, тот отмечал, что последние представляли собой не демократический институт (представительства сословий, вотирующих налоги) в смысле европейских парламентов, а просто совещание правительства с его агентами (в силу полного отождествления государства и общества)⁶.

Особенности «соборной» демократии, связанные с имплицитно содержащейся в ней картиной мира, были проанализированы на примере Съездов народных депутатов СССР и России В.М. Сергеевым и Н.И. Бирюковым⁷. Последние, в частности, отмечали консенсусный и коллективный характер принятия решений в рамках формально сходных с западными институтами. «Соборная» культура осуждает партийность и фракционность. Она направлена на демонстрацию вовне единства путем единодушного одобрения выработанного «за кулисами» межэлитного соглашения. Она также, по сути, не терпит процедурных (в том числе, формально-юридических ограничений).

---

⁴ Васильев Л.С. История Востока. М.: Высшая школа, 1994.

⁵ Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Феникс, 1991.

⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения в 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. Лекция 50. С. 328 – 347.

⁷ Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Агентство Издательский сервис, 2004.

Концепт «суверена»-государя в Западной Европе постепенно трансформировался в представление о «суверенном государстве», где верховная власть оказалась как бы «растворившейся» в коллективном теле граждан страны (гоббсовском «Левиафане»⁸ или Спинозистском «множестве»⁹). В либеральной традиции процедура выработки решений для этого тела была строго ограничена формальными институтами. В противоположность этому, в радикально-революционной (идущей от Ж.-Ж. Руссо¹⁰), консервативной (берущей начало, скорее, от Т. Карлайля¹¹, чем от Э. Берка¹²) и националистической (связанной, прежде всего, с И.Г. Гердером¹³ и И.Г. Фихте¹⁴) интерпретации коллективное тело национального государства не ограничивалось формальными законами. Напротив, оно должно было действовать по неким внутренним «законам природы» или «законам развития», отражающим его «сущность» (наподобие биологического организма). Эту модель можно назвать «коллективной» или «тоталитарной» демократией.

Подобная трактовка демократии получила в первой половине XX в. свое наивысшее воплощение в коммунистических и фашистских режимах. Более умеренное (связанное с необходимостью ограничения либеральной демократии в условиях социально-экономически, культурно и политически неготовых к ней стран) понимание нелиберальной демократии продемонстрировали «санационные», корпоративистские и «полуфашистские» режимы Восточной Европы и Иберийского полуострова в период между I и II Мировыми войнами. Именно такая «умеренно» антилиберальная и модернизационно ориентированная трактовка нелиберальной демократии проявляется, на наш взгляд, взгляд в концепции «суверенной демократии» В. Суркова.

«Суверенная демократия» и проблемы демократизации России

В предыдущем разделе мы кратко очертили интеллектуальную предысторию и институциональные воплощения модели коллективной демократии. В двух нижеследующих разделах мы попробуем обрисовать

---

⁸ Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.

⁹ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М.: ОГИЗ; ГАИЗ, 1935.

¹⁰ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс, 1998.

¹¹ Карлайль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994.

¹² Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993.

¹³ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества М.: Наука, 1977.

¹⁴ Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство. М.: Красная новь, 1923; Fichte J. G. Reden an die deutsche Nation, in: Philosophische Bibliothek, Bd. 204, 5. Aufl., Hamburg: Meiner, 1978.

смысловое «ядро» идеи «суверенной демократии», суть ее представлений о России и мире. Очевидно, это ядро заключается во взаимодействии двух понятий: «демократия» и «национальный суверенитет». Мы полагаем, что концепция «суверенная демократия» получается путем прямого соединения двух антилиберальных моделей: коллективной модели демократии во внутривнутриполитической жизни и «реалистической» модели международной политики.

Нижеследующий анализ будет также направлен на выявление внутренних противоречий в структуре концепции «суверенная демократия». Этот анализ чрезвычайно важен с точки зрения возможных потенциалов реализации данной модели на практике.

Как мы уже отмечали, концепцией «суверенной демократии» вводится представление о демократии, субъектом которой является не индивид, а коллектив. Так, в самом начале статьи автора идеи, В. Суркова «Национализация будущего» демократия отождествляется с «высшей независимой (суверенной) властью народа».¹⁵ Т.е. субъектом демократического государства выступает внутренне органически единый народ, или, несколько ниже по тексту, «российская нация». И то, и другое есть нечто большее, нежели простая совокупность граждан.

Основным структурным недостатком модели «коллективной демократии» является проблематичность выявления «воли нации». Даже непрерывное голосование по всем вопросам на манер Швейцарии тут не поможет. Еще один из деятелей Великой Французской революции и оппонент Руссо Кондорсе сформулировал знаменитый парадокс, одним из частных выводов которого становится следующее положение: плебисциты и голосования выигрывает чаще всего тот, кто может манипулировать повесткой дня¹⁶.

На практике выразителями воли нации или народа обычно объявляют себя власти. Собственно говоря, наиболее последовательно принципы Руссо в жизнь реализовали якобинцы с их «красным террором», а затем их наследники – европейские крайне левые, вплоть до

---

¹⁵ Сурков В., 2006.

¹⁶ Парадокс Кондорсе заключается в принятии таких коллективных решений, которые на индивидуальном уровне не поддерживало большинство голосовавших (возможны даже варианты, когда ни один не поддерживал это решение на индивидуальном уровне). Позднее этот парадокс был обоснован в виде теоремы Эрроу (Arrow K. Social Choice and Individual Values, N.Y.: Wiley, 1951, русский перевод – Эрроу К. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ-ВШЭ, 2004). Состоит в том, что правило простого большинства не в состоянии обеспечить бинарного отношения общественного предпочтения среди выбираемых вариантов. В силу нетранзитивности результат может зависеть от порядка голосования, что даёт возможность манипуляции выбором большинства.

русских коммунистов. Таким образом, традиция тоталитарной демократии была инкорпорирована и в жизнь СССР¹⁷.

Коллективная модель демократии радикально противоположна либеральной, согласно которой реальным субъектом власти становится совокупность граждан с их обыденными, повседневными интересами, а сама демократия оказывается просто механизмом, при помощи которого граждане (в реальности, в лице своих представителей) ведут между собой переговоры и согласуют эти интересы. Представительство это часто номинально, что неоднократно отмечали все критики либеральной демократии. А административная власть часто получает достаточно большую свободу рук, хотя и вынуждена, до определенной степени, совершать только одобряемые представителями общества действия. Поэтому на практике основным достоинством либеральной демократии оказывается отрицательный принцип: она не позволяет властям слишком сильно вмешиваться в жизнь народа. Она, тем самым, затрудняет различные злоупотребления администрации и полностью исключает эксцессы, связанные с насилием над большими группами людей. Правда, и возможность для властей исправить негативные процессы в обществе тоже уменьшается. На этом и была исторически основана поддержка коллективной модели демократии крайне левыми, а затем и крайне правыми силами в Европе XIX - XX вв.

Коллективная демократия позволяет все, в чем ограничивает либеральная демократия. Власти не только оказываются свободны от контроля общественности (они ведь реализуют мистическую «волю народа», а не интересы конкретного Васи Иванова или сколь угодно большой группы этих Вась). Более того, администрация получает возможность вмешиваться в повседневную жизнь людей под флагом «соблюдения воли народа», которую она же и имеет возможность формировать при помощи различных манипуляций.

В текстах идеологов «суверенной демократии» и прежде всего — самого В. Суркова наблюдается постоянная игра различными моделями демократии. Исходной точкой рассуждений всегда оказывается «коллективная» демократия. Однако затем она постоянно оправдывается либо через прямое отождествление с «либеральной» демократией, либо как начальная точка процесса, ведущая к торжеству «либеральной демократии»¹⁸.

---

¹⁷ Бирюков Н. И., Сергеев В. М., 2004.

¹⁸ См, например: Сурков В. 2006.

Например, в статье «Национализация будущего» «самодержавие народа» (коллективная модель демократии) приравнивается к «правлению свободных людей» (либеральная модель демократии)¹⁹. При этом берутся положительные стороны обеих моделей (от либеральной модели демократии – свободная самоорганизация и самодеятельность народа, его контроль над властью, от коллективной – управляемость и единство в реализации национальных задач), а отрицательные забываются. Но где гарантии, что эффективное соединение двух смыслов в концепции приведет на практике к сложению положительных сторон двух моделей демократии, а не отрицательных? Тут все будет зависеть от степени коррумпированности госаппарата и «качества управления», а ни то ни другое в нашей стране оптимизма не внушает.

«Суверенная демократия» и современный мир

Концепцией «суверенной демократии» вводится и определенное представление о международных отношениях как отношениях между атомарными национальными государствами. «Правильным», справедливым состоянием объявляется сохранение этой атомарности и независимости. «Неправильным», несправедливым – ее потеря. В целом, такую модель можно назвать «консервативной» (или «реалистической») ²⁰. Ее принцип: государства должны максимально оберегать себя от чужих влияний, а значит – максимально изолироваться от других государств.

Однако это представление о национальном суверенитете отнюдь не является доминирующим в современном мире. Процесс глобализации вызывает к жизни различные модели взаимозависимости, размывающие классические представления о национальном суверенитете.

Сторонники модели «суверенной демократии» постоянно смешивают два понимания «суверенитета». С одной стороны, в политической жизни они считают необходимым оберегать решения российской нации от влияния других наций. С другой стороны, в экономической жизни они выступают сторонниками глобализации. В частности, В. Сурков понимает «суверенную» демократию как способ эффективного встраивания в процесс глобализации, где Россия, как государство, будет «субъектом, а не объектом глобализации»²¹. Однако изолировать экономическую и политическую жизнь друг от друга нельзя.

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Morgenthau H., Thompson K. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace New York NY: Alfred A. Knopf, 1948.

²¹ Сурков В., 2006.

Если российский народ в ходе глобализации вступает с другими народами в отношения взаимозависимости в экономике, то это неизбежно скажется и в политике.

На практике любая глобализация ведет к очень существенному ослаблению суверенитета государств, так как они утрачивают значительную часть контроля над экономической жизнью. Национальная экономика перестает существовать, ее заменяет неконтролируемая национальными государствами глобальная экономика. А политическая жизнь глобализирующихся государств неизбежно начинает в существенной мере определяться, в том числе, и глобальными экономическими субъектами (от различных международных организаций до транснациональных корпораций). Совместить суверенитет как «независимость» с суверенитетом как «взаимозависимостью» (особенно, в ее высшем проявлении — глобализации) оказывается в реальности очень сложно.

Концепция «суверенной демократии» также предполагает, что степень влияния государств на международной арене автоматически увеличивает свободу и благосостояния их народов. Однако в «Национализации будущего» Сурков отмечает, что исторически рост влияния России на международной арене как раз реализовывался за счет усиления нажима государства на общество и насильственного выкачивания из него ресурсов. Далее отмечается, что задачу совмещения благоденствия народа и силы государства *еще предстоит решить*²².

«Суверенная демократия»: есть ли объективные причины возникновения концепции?

Можно ли рассматривать модель «суверенной демократии» как «чистый пиар», не имеющий никакого отношения к реальным процессам? Представляется, что на этот вопрос надо дать отрицательный ответ.

По своей политической культуре и традициям Россия — не либеральная страна. Поэтому модель либеральной демократии не может у нас быстро привиться и начать приносить положительные результаты. Модели коллективной демократии для россиян намного привычнее²³. Поэтому использование уже укоренившихся идей коллективной демократии для модернизации страны имеет под собой определенные основания. Это может позволить постепенно укоренить демократические

---

²² Там же.

²³ Бирюков Н. И., Сергеев В. М., 2004.

традиции, сочетая непривычную либеральную демократию с привычной коллективной и контролируемой «сверху».

Россия имеет давние традиции «сильного» государства, выступающего реформатором по отношению к «слабому» и зависимому от него обществу. Даже традиционная западническая мысль XIX в. воспринимала сильное (в том числе, и на внешней арене) государство как главное условие эффективной социально-экономической модернизации страны²⁴. Национальные чувства русского народа также исторически служили делу обновления страны (стоит только вспомнить о великих реформах 1860-х гг. как реакции на поражение России в Крымской войне)²⁵.

Концепция «суверенной демократии» в этом плане представляет собой попытку опереться на нелиберальные модернизационные традиции в России в ситуации, когда провалилась попытка либеральной модернизации страны в 1990-е гг.

Основные выводы

«Суверенная демократия» отсылает к российским традициям аинституциональной, коллективной (тоталитарной) и «монархической» демократии, т.е. к достаточно архаическим, домодерновым слоям политической культуры. В этом плане она содержательно и функционально напоминает: 1) альтернативные модели политической модернизации в стиле «нелиберальной демократии» в странах «Третьего мира»; 2) европейские модели «коллективной демократии» первой половины 20 в.: в большей степени – корпоративистско-санационные (Восточная Европа, Иберийский полуостров), в меньшей степени – итальянский фашизм, в еще меньшей степени и лишь в ряде аспектов – немецкий национал-социализм.

«Суверенная демократия» получается путем прямого соединения двух антилиберальных моделей: коллективной модели демократии во внутривнутриполитической жизни и «реалистической» модели международной политики.

В текстах идеологов «суверенной демократии» и, прежде всего, самого В. Суркова наблюдается постоянная игра различными моделями

---

²⁴ См., например, апологию государства и Петра 1 как преобразователя в: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.7: История России с древнейших времен.Т.13–18. М.: Голос; Колокол-пресс, 1997 – 1998. Наиболее рельефное выражение эта западническо-государственническая концепция получила в работе: Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.

²⁵ Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М.: Высшая школа, 1993.

демократии. Исходной точкой рассуждений всегда оказывается «коллективная» демократия. Однако затем она постоянно «оправдывается» через прямое отождествление с «либеральной» демократией, либо через телеологические схемы (современная коллективная демократия нужна для будущего торжества либеральной).

«Суверенная демократия» представляет собой модель модернизации России, опирающуюся на антилиберальные модернизационные традиции. Проект является привлекательным в условиях крушения либерально-модернизационной политики 1990-х гг. Это является основным позитивным содержанием концепции.

В то же время, теория «суверенной демократии» содержит очень серьезные противоречия во взглядах на внутреннюю и внешнюю политику, которые делают ее трудно реализуемой (сочетание элементов коллективной и либеральной модели демократии, «реалистического» и «либерального» понимания международной жизни; неясность с определением «российской нации»; противоречивое отношение к глобализации; неопределенность со степенью государственного контроля над экономикой и т.д.).